63.3(253)
T46

БИБЛІОТЕКА
ТОБОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО МУЗЕЯ.
513
27/5 42

27/5 42

На домъ не выдается.

Постановленіе Общаго Собранія отъ 10 февраля 1916 г.

Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, № 483.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ,

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Е. Тихомирова.

ЦѢНА 10 К.

МОСКВА.
Типографія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ,
Моховая, домъ Истоминой.
1886.

63.3(253)+63.3(2)45+63.3(2)-8 Ермак
Т 46
Иванъ Каллиников
Голубевъ,
3-30
9(С18)1
Т 46.

Изданіе Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, № 476.

ЕРМАКЪ ТИМОѲЕЕВИЧЪ,

ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

Е. Тихомирова.

Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 12565
02 08
84 50а

МОСКВА
Типографія Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ, Моховая, домъ Истоминой.
1886.

Дозволено цензурою. Москва, 27 февраля 1886 г.

Мрачный горизонтъ послѣднихъ печальныхъ лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго неожиданно озарился однимъ свѣтлымъ событіемъ—завоеваніемъ Сибири, третьяго татарскаго царства, украсившаго новымъ вѣнцомъ главу Московскаго царя: къ прежнимъ титуламъ Царя Казанскаго и Астраханскаго онъ присовокупилъ еще титулъ Царя Сибирскаго.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою завоеваніе испанцами Мексики и Перу: и тамъ, и здѣсь горсть людей, дѣйствовавшихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями,—съ тою однако существенною разницей, что побѣды и завоеванія русскихъ въ Сибири не сопровождались безпощаднымъ истребленіемъ тысячъ туземцевъ-язычниковъ во имя Бога и религіи, чѣмъ обезславили себя испанцы въ Новомъ Свѣтѣ.

Безсмертный подвигъ казацкаго атамана Ермака Тимоѳеевича, совершенный 300 лѣтъ тому назадъ, живетъ въ памяти Русскаго народа и воспѣвается наравнѣ съ подвигами древнихъ богатырей. И это былъ дѣйствительно подвигъ, достойный истиннаго богатыря.

I.

Первыя сношенія съ Сибирью.

Между тѣмъ какъ на западѣ враждебныя сосѣдки—Польша и Швеція успѣли соединенными силами оттолкнуть Московское государство отъ Балтійскаго моря, которымъ замышлялъ владѣть Іоаннъ Грозный, чтобы войдти въ болѣе близкія сношенія съ западною Европою,—движеніе Русскихъ на сѣверо-востокъ не только не прекращалось, но усиливалось болѣе и болѣе. Наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе неудачъ на западѣ, Русскому человѣку удалось перейдти за Каменный Поясъ (Уральскія горы), отдѣляющій Европу отъ Азіи. Это случилось уже въ послѣдніе годы царствованія Грознаго.

Послѣ завоеванія Русскими Казани (въ 1552 году), многіе Ногайскіе князья сами предложили Московскому царю овладѣть Астраханью, которая и была присоединена къ Москвѣ въ 1556 году; затѣмъ мелкіе владѣльцы прикавказскіе стали обращаться въ Москву съ просьбою о помощи другъ противъ друга, просились въ подданство къ царю Московскому, чтобы имѣть въ немъ на всякій случай сильнаго покровителя и надежную помощь.

Точно такъ же поступилъ, подъ вліяніемъ слуховъ о славныхъ побѣдахъ царя Московскаго, и владѣлецъ Сибири—Татарскаго юрта (царства), занимавшаго сре-

дину нынѣшней Тобольской губерніи. Незначительное само по себѣ, это царство было однако не незначительно въ той пустынной странѣ, гдѣ на громадныхъ пространствахъ были рѣдко разбросаны малочисленные роды разноплеменныхъ и разнообычныхъ обитателей. Въ Январѣ 1555 года пришли,—говоритъ лѣтопись,—*) послы къ царю отъ Сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской, поздравили государя съ царствомъ Казанскимъ и Астраханскимъ и били челомъ, чтобъ государь взялъ въ свое имя князя ихъ и всю землю Сибирскую и заступилъ отъ всѣхъ непріятелей, положилъ на нихъ дань свою и прислалъ своего человѣка для сбора ея. Іоаннъ Васильевичъ исполнилъ ихъ челобитье. Послы обязались за своего князя и за всю землю, что будутъ давать съ каждаго чернаго человѣка по соболю и по бѣлкѣ Сибирской; черныхъ же людей (плательщиковъ дани) они сказали у себя 30,700 человѣкъ. Отправлены были въ Сибирь посолъ и сборщикъ дани, Дмитрій Куровъ. Послѣдній возвратился въ Москву въ концѣ 1556 года вмѣстѣ съ Сибирскимъ посломъ Бояндою. Едигеръ прислалъ дани только 700 соболей, объявивъ чрезъ посла, что воевалъ ихъ Шибанскій царевичъ и взялъ въ плѣнъ много людей, вслѣдствіе чего и мѣховъ собрать не съ кого. Однако, по свидѣтельству Курова, Сибиряки обманули царя: дань можно было собрать сполна, да не захотѣли. Царь положилъ опалу на Едигерова посла Боянду, велѣлъ взять у него все имѣніе, самого посадить подъ стражу, а въ Сибирь отправилъ служивыхъ Татаръ съ грамотою о высылкѣ полной дани. Въ Сентябрѣ 1557 года посланные Татары возвратились съ новыми послами Сибирскими, которые привезли 1000 соболей, привезли и грамоту съ кня-

*) См. Приложеніе I.

жею печатью: Едигеръ обязывался быть у царя въ холопствѣ и платить каждый годъ всю дань сполна.

Но не трудно понять, что такая зависимость Сибирскаго царства отъ Московскаго царя не могла быть прочною. Едигеръ поддался Русскому царю для того, чтобы имѣть отъ него помощь противъ своихъ недруговъ; а между тѣмъ ему трудно было разсчитывать на дѣйствительную помощь по самой отдаленности его владѣній отъ Московскаго царя, его защитника. Съ другой стороны эта же отдаленность умаляла страхъ во врагахъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ царствомъ. При томъ же, въ случаѣ нужды, они могли умилостивить Московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь, подчинившійся ему. Такъ смотрѣлъ на дѣло и самъ Едигеръ, говорившій одному изъ Русскихъ людей: „Теперь собираю дань, къ государю вашему пословъ отправлю. Теперь у меня война съ Казацкимъ царемъ (Киргизъ-Кайсацкимъ). Одолѣетъ меня царь Казацкій, сядетъ на Сибири: но и онъ государю дань станетъ же давать.“ Какъ говорилъ Едигеръ, такъ дѣйствительно и случилось. Князекъ Кучюмъ, явившійся изъ Киргизъ-Кайсацкихъ степей, разбилъ Едигерово войско, самого Едигера и брата его Бекбулата убилъ и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ сталъ требовать дани съ новаго царя Сибирскаго. Кучюмъ обязался-было платить дань; но потомъ, когда пріѣхалъ къ нему царскій посолъ, Кучюмъ убилъ его.

Этимъ и закончилась зависимость Сибирскаго царства отъ Москвы, не имѣвшая прочныхъ основаній.

II.

Именитые люди Строгоновы.

Недолго однако Сибирское царство пользовалось независимостью, и покоренію его способствовали богатые промышленники Строгоновы, главные заселители Пермскаго края, примыкающаго къ Уральскому хребту.

Первые Русскіе поселенцы стали являться въ Пермскомъ краѣ въ XI столѣтіи: это были удальцы Новгородской вольницы. Къ нимъ присоединялись потомъ выходцы и бѣглецы съ разныхъ сторонъ. Власть Московскаго государя начала утверждаться здѣсь со временъ Іоанна III: именно въ 1472 году царскій воевода князь Ѳедоръ Пермскій явился съ войскомъ около Соликамска, и край въ нѣсколько мѣсяцевъ былъ покоренъ окончательно. Съ половины XVI вѣка главными дѣятелями въ этомъ краѣ являются Строгоновы.

Отечествомъ рода Строгоновыхъ была въ старину Ростовская земля. Уже около половины XV вѣка Строгоновы являются людьми очень богатыми: они выкупили великаго князя Василія Васильевича Темнаго, попавшаго въ плѣнъ къ Казанскимъ татарамъ. *) Въ благодарность за эту услугу. Василій Темный отдалъ Строгоновымъ въ оброчное содержаніе большое количество

---

*) Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, уговаривая въ 1610 году Строгоновыхъ ссудить его значительною суммою денегъ, пишетъ въ своей грамотѣ къ нимъ: „Припомните, когда вы въ прежнія времена выкупили изъ плѣна великаго князя Василія Васильевича, какой великой чести сподобились?“ Хотя выкупъ сдѣланъ былъ, быть можетъ, на деньги не однихъ только Строгоновыхъ, во всякомъ случаѣ имъ принадлежала наибольшая доля участія въ этомъ дѣлѣ.

земли на сѣверовостокѣ. При великомъ князѣ Іоаннѣ III главнымъ представителемъ этой богатой фамиліи былъ Лука Строгоновъ; а при сынѣ Іоанна III, Василіи Іоанновичѣ, внуки Луки Строгонова получили право населить пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости. Въ царствованіе Іоанна IV Строгоновы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы (главнаго притока Волги съ лѣвой стороны). Въ 1558 году Григорій Аникіевъ Строгоновъ билъ царю челомъ и сказывалъ: въ 88-ми верстахъ ниже Великой Перми, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны. до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія. и всего пустаго мѣста здѣсь 146 верстъ. До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ пашни не паханы, дворы не ставали, и въ царскую казну не поступало никакой пошлины; и теперь эти земли не отданы ни кому. Григорій Строгоновъ билъ челомъ, что хочетъ на этомъ мѣстѣ поставить городокъ, рубить лѣсъ, пахать пашню, ставить дворы, искать разсолу, ставить варницы и варить соль. Развѣдавъ въ точности, что эти мѣста дѣйствительно искони лежатъ впустѣ и доходу съ нихъ нѣтъ никакого, царь отдалъ ихъ Григорію Строгонову съ тѣмъ, чтобы онъ не принималъ къ себѣ изъ другихъ городовъ людей тяглыхъ (обязанныхъ платить подати, состоящихъ въ „тяглѣ“) и письменныхъ (приписанныхъ къ извѣстному мѣсту), также чтобы не принималъ воровъ, людей боярскихъ, бѣглыхъ съ имѣніемъ, разбойниковъ. Купцы, которые пріѣдутъ въ городокъ, построенный Строгоновымъ, торгуютъ въ немъ безпошлинно. Ставить варницы, варить соль, ловить по рѣкамъ и озерамъ рыбу Строгоновъ можетъ безоброчно; а гдѣ найдетъ руду серебряную, мѣдную или оловянную, то дастъ знать объ этомъ царскимъ казначеямъ, самому же ему тѣхъ рудъ

не разработывать безъ царскаго вѣдома. Льготы Строгонову дано на 20 лѣтъ: какіе неписьменные и нетяглые люди придутъ къ нему жить въ городъ и на посадъ и около города на пашни, на деревни и на починки, съ тѣхъ не брать никакой дани, ни подати, ни оброка впродолженіе 20-ти лѣтъ. Которые люди поѣдутъ мимо того городка, изъ Московскаго ли государства или изъ иныхъ земель, съ товарами или безъ товару, съ тѣхъ пошлины не брать никакой, торгуютъ ли они тутъ или не торгуютъ. Но если самъ Строгоновъ повезетъ или пошлетъ соль или рыбу по другимъ городамъ, то ему съ соли и съ рыбы всякую пошлину давать, какъ берутся пошлины съ другихъ торговыхъ людей. Поселившихся у Строгонова людей Пермскіе намѣстники и тіуны ихъ не судятъ ни въ чемъ: вѣдаетъ и судитъ своихъ слобожанъ самъ Григорій Строгоновъ во всемъ. Если же людямъ изъ другихъ городовъ будетъ дѣло до Строгонова, то они въ Москвѣ берутъ управныя грамоты, и по этимъ грамотамъ истцы и отвѣтчики безъ приставовъ становятся въ Москвѣ передъ царскими казначеями на Благовѣщеньевъ день. Когда пройдутъ урочные 20 лѣтъ, Григорій Строгоновъ обязанъ будетъ возить всѣ подати въ царскую казну въ Москву на Благовѣщеньевъ день.

Прикамская пустынная сторона составляла окрану или украйну, на которую нападали дикіе зауральскіе и пріуральскіе народцы. Правительство могло давать льготныя грамоты населителямъ этихъ пустынныхъ пространствъ, но не могло защищать ихъ отъ нападеній враждебныхъ сосѣдей: насельникамъ приходилось защищаться самимъ своими средствами, приходилось строить городки или острожки, снабжать ихъ нарядомъ (артилеріею), содержать ратныхъ людей. Само собою разумѣется, что это было доступно только для такихъ на-

сельниковъ, которые обладали обширными средствами. Отсюда уясняется важное значеніе Строгановыхъ, которые одни, по своимъ средствамъ, могли заселить Прикамскую страну, приблизить русскія поселенія къ Уралу и черезъ это дать возможность распространить ихъ—въ близкомъ или далекомъ будущемъ—и за Уралъ.

Основавъ городокъ, Строгановъ нуждался для наряда пушекъ и пищалей въ селитрѣ. По его челобитной, царь дозволилъ ему на Вычегодскомъ посадѣ и въ Усольскомъ уѣздѣ сварить селитры, но не больше 30-ти пудовъ, причемъ наказывалъ старостамъ тѣхъ мѣстъ: „берегите накрѣпко, чтобъ при этой селитряной варкѣ отъ Григорья Строганова крестьянамъ обидъ не было ни подъ какимъ видомъ, чтобъ на дворахъ изъ-подъ избъ и хоромъ онъ у васъ сору и земли не копалъ и хоромъ не портилъ; да берегите накрѣпко, чтобъ онъ селитры не продавалъ никому“. Новопостроенный городокъ Строгановъ назвалъ *Канкоромъ*. Но черезъ пять лѣтъ одного города оказалось мало: въ 1564 году Строгановъ билъ челомъ, чтобъ царь позволилъ ему поставить другой городокъ въ 20-ти верстахъ отъ Канкора. Тутъ нашли разсолъ, ставятъ варницы и хотятъ варить соль; но безъ городка люди жить не смѣютъ. Царь исполнилъ и эту просьбу, и явился новый городокъ—*Кергедань* со стѣнами въ 30 сажень, а съ приступной стороны закладенный, вмѣсто глины, камнемъ. Въ 1566 году братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Аникія Ѳедорова, *) билъ челомъ, чтобъ государь взялъ ихъ городки Канкоръ и Кергедань и всѣ ихъ промыслы въ опричнину (подъ свое покровитель-

*) Въ 1560 году Аника (Іоанникій) Строгановъ основалъ Пыскорскій монастырь и около того же времени—Вознесенскій монастырь и много приходскихъ церквей

ство): и эта просьба была исполнена. Въ 1568 году тотъ же Яковъ просилъ, чтобы ему додано было земли еще на 20 верстъ къ прежнему пожалованію, обязываясь также построить на свой счетъ крѣпости съ скорострѣльнымъ нарядомъ. Земля дана была ему на такихъ же условіяхъ, какъ и прежняя; но поселенцы освобождались отъ податей только на 10 лѣтъ.

До 1572 года въ Прикамскихъ областяхъ все было тихо и благополучно; но въ этомъ году Пермскій воевода донесъ царю, что 40 человѣкъ возмутившихся черемисъ, вмѣстѣ съ Остяками, Башкирами и Буинцами, приходили войною на Каму и побили здѣсь Пермичей 87 человѣкъ. Получивъ эти вѣсти, Іоаннъ послалъ Строгановымъ грамоту, въ которой писалъ: „вы бы жили съ великимъ береженьемъ, выбрали у себя голову добраго да съ нимъ охочихъ козаковъ, сколько приберется, съ всякимъ оружіемъ; велѣли бы прибрать также Остяковъ и Вогуличей, которые намъ прямятъ, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли бы жить въ острогѣ (крѣпости). Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, казаками, остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ, Черемису, Остяковъ, Вотяковъ, Ногаевъ, которые намъ измѣнили“. Строгановы исполнили царскій приказъ: выбранный ими голова съ охочими людьми ходилъ на государевыхъ измѣнниковъ, однихъ побилъ, а другихъ привелъ къ присягѣ, что впередъ будутъ вѣрно служить государю.

Утвердившись по сю сторону Урала, дѣятельно-предпріимчивые Строгановы не могли не обратить вниманія и на земли Зауральскія, обѣщавшія имъ еще болѣе выгодъ, чѣмъ страны Прикамскія. Скоро имъ представился благопріятный случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе *новыхъ землицъ* за Ураломъ. А случай этотъ былъ слѣдующій. Новый сибирскій царь

(салтанъ) Кучюмъ началъ дѣйствовать враждебно противъ московскаго государства побивалъ и бралъ въ плѣнъ Остяковъ, платившихъ дань въ Москву; въ іюлѣ 1573 года сибирскій царевичъ Маметкулъ *) приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую провѣдывать дороги, какъ бы ему пройдти къ Строгановскимъ городкамъ и въ Пермь великую, причемъ побилъ много Остяковъ, московскихъ данниковъ, увелъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей и убилъ государева посланника, шедшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Не доходя 5-ти верстъ до Строгановскихъ городковъ Маметкулъ возвратился назадъ. напуганный разсказами плѣнниковъ, что въ этихъ городкахъ собралось много ратныхъ людей. Увѣдомивъ царя о нападеніяхъ сибирскаго салтана и царевича, Строгановы печаловались на то, что они не смѣютъ безъ царскаго вѣдома послать своихъ наемныхъ казаковъ противъ сибирской рати; а между тѣмъ зауральскіе остяки просятъ, чтобы государь оборонялъ ихъ отъ сибирскаго салтана, обязываясь съ своей стороны платить дань въ Москву. Поэтому Яковъ и Григорій Строгановы просили государя дозволить имъ на рѣкѣ Тоболѣ и по рѣкамъ, впадающимъ въ Тоболъ, до верховьевъ ихъ, на удобномъ мѣстѣ дѣлать крѣпости, нанимать сторожей и держать на свой счетъ огненный нарядъ, вырабатывать желѣзо, пахать пашни и владѣть угодьями. Царь далъ Строгановымъ право укрѣпляться и за Ураломъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они завели селенія по Камѣ и Чусовой, съ обязанностію надзирать и за другими промышленниками, которые вздумаютъ поселиться по Тоболу и другимъ рѣкамъ сибирскимъ. Вмѣстѣ съ этимъ правомъ Строгановы получили право вести войну не только оборонительную, но

*) Одни называютъ Маметкула сыномъ, а другіе племянникомъ Кучюма.

также и наступательную— посылать войско на сибирскаго салтана, брать сибирцевъ въ плѣнъ и дѣлать ихъ данниками московскаго царя. Эта наступательная война была и необходима, и неизбѣжна: прежде чѣмъ взять въ свое владѣніе землю за Ураломъ, завести на ней промыслы, надобно было очистить ее отъ сибирскаго салтана, который считалъ ее своею собственностію. Но изъ кого могли Строгановы составить свое войско для веденія наступательной войны съ сибирскимъ царемъ? На охочихъ инородцевъ—Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ была плохая надежда: для этого требовались люди болѣе вѣрные, болѣе живые, устойчивые, воинственные и предпріимчивые. Строгановы нуждались для достиженія своей цѣли въ отыскивателяхъ путей, новыхъ землицъ, нуждались въ казакахъ.

И казаки явились.

III.

Ермакъ и его дружина.

По южнымъ и восточнымъ степнымъ окраинамъ московскаго государства являются еще съ XV вѣка вольные, гуляющіе люди, охочіе до войны—казаки *). Одни изъ нихъ жили по станицамъ: это были казаки *городовые*. Они несли государеву службу, обороняя границы отъ нападеній разбойничьихъ татарскихъ шаекъ.

---

*) Слово *казакъ*—чисто татарское и означало сперва вольнаго, бездомовнаго бродягу, а потомъ — низшій родъ воиновъ, набранныхъ изъ такихъ бродягъ. Прежде появленія русскихъ казаковъ существовали казаки татарскіе, въ томъ же значеніи вольныхъ бродячихъ уральцевъ

Другіе, въ полномъ смыслѣ вольныя, „степныя птицы“, уходили изъ-подъ всякаго надзора, „гуляли“ въ степномъ раздольи, нападали на свой страхъ, на татаръ, грабили ихъ, охотились въ степи, рыбачили по рѣкамъ, разбивали купеческіе караваны татарскіе, да и русскимъ купцамъ порою спуску не давали. Шайки такихъ казаковъ гуляли и по Дону (впадающему въ Азовское море), и по Волгѣ. Уже при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Рязанскіе казаки хорошо знали мѣста по Дону; а при сынѣ Василія они здѣсь утверждаются, принимаютъ отъ мѣста названіе *Донскихъ* и становятся страшны ногаямъ, крымцамъ и азовцамъ. Впрочемъ толпы донскихъ казаковъ состояли не изъ однихъ только жителей Рязанской области: на Донъ шли также и жители сѣверной украйны, издавна славившіеся своею отвагою. Равнымъ образомъ и городовые казаки, находившіеся подъ ближайшимъ надзоромъ государства, провинившись въ чемъ нибудь, уходили на Донъ, гдѣ встрѣчали всегда радушный пріемъ и увеличивали собою толпы буйной вольницы. На жалобы ногайскаго хана, что казаки, несмотря на то, что онъ въ мирѣ съ московскимъ царемъ, грабятъ татарскихъ купцовъ по Дону, царь отвѣчалъ: „эти разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома, отъ насъ бѣгаютъ. Мы и прежде посылали не одинъ разъ, чтобъ ихъ переловить; но люди наши добыть ихъ не могутъ. Мы и теперь посылаемъ добывать этихъ разбойниковъ и которыхъ добудемъ, тѣхъ казнимъ. А вы бы отъ себя велѣли ихъ добывать и, переловивши, къ намъ присылали. А гости (купцы) ваши дорогою береглись бы сами, потому что самъ знаешь хорошо: на полѣ въ степи всегда всякихъ людей много изъ разныхъ государствъ. И этихъ людей кому можно знать? Кто ограбитъ, тотъ имени своего не скажетъ“. Дѣйствительно очень мудрено было изло-

вить въ широкихъ степяхъ шайки этихъ *воровскихъ* казаковъ.

Надѣясь на безнаказанность, Донскіе казаки не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній или исполняли ихъ вполовину: они нападали не на однихъ Ногаевъ, Азовцевъ и Крымцевъ, но, разъѣзжая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ. русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большимъ числомъ ратныхъ людей: казаковъ ловили и казнили; другіе, по выраженію лѣтописца, разбѣжались, какъ волки, — и одна толпа ихъ отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу, на что и согласилась съ радостію.

Главнымъ предводителемъ, или атаманомъ этой шайки Донскихъ казаковъ былъ Ермакъ Тимоѳеевичъ. Ермакъ былъ росту средняго, бороду имѣлъ черную, волосы кудрявые, глаза свѣтлые и быстрые. Это былъ удалецъ богатырской силы, притомъ очень ловкій, сметливый. Роду онъ былъ простаго. Дѣдъ его былъ посадскимъ человѣкомъ города Суздаля и „жилъ въ великой скудости“. Ища себѣ пропитанія, Аѳанасій Григорьевъ Аленинъ (такъ назывался дѣдъ Ермака) переѣхалъ въ городъ Владиміръ, гдѣ сталъ извозничать. Занимаясь извозомъ, онъ свелъ знакомство съ разбойниками, жившими въ знаменитыхъ Муромскихъ лѣсахъ. Въ скоромъ времени онъ попалъ въ тюрьму вмѣстѣ съ разбойниками, которыхъ возилъ и укрывалъ. Однако ему удалось бѣжать изъ тюрьмы: захвативъ съ собою жену и двоихъ сыновей, Родіона и Тимоѳея, онъ переѣхалъ жить въ уѣздъ Юрьевца Повольскаго (то есть Волжскаго), гдѣ и умеръ; а дѣти его отъ скудости переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ вотчины Строгановыхъ, и слыли

Повольскими. У нихъ родились сыновья: у Родіона Димитрій да Лука, у Тимоѳея—Гаврила, Фролъ и Василій, главный герой нашего разсказа. Василій *) былъ особенно боекъ, силенъ и рѣчистъ. Нанялся онъ работать на баркахъ (стругахъ) и ходилъ по Волгѣ и Камѣ. Онъ былъ въ бурлацкой артели кашеваромъ, и товарищи прозвали его Ермакомъ, потому что *Ермакомъ* назывался дорожный артельный таганъ **). Такъ за нимъ это прозвище и осталось на всю жизнь. Работа бурлацкая скоро прискучила Ермаку,—затосковалъ онъ по вольной жизни и ушелъ къ Донскимъ казакамъ, которые въ скоромъ времени выбрали его за его удаль старшиной Качалинской станицы, чтобы онъ охранялъ рубежъ отъ Астрахани до Дона. Но Ермакъ не усидѣлъ долго и у Донскихъ казаковъ: набравъ себѣ шайку молодцовъ на-подборъ, онъ ушелъ съ ними на Волгу разбойничать. Главными помощниками его были: Иванъ Кольцо (который, по словамъ царской грамоты къ Ногаямъ, былъ присужденъ къ смертной казни), Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ. Все это были молодцы, прошедшіе, какъ говорится, огонь и воду, не знавшіе страха. Походили на нихъ и остальные товарищи Ермака.

Мы уже видѣли подвиги Ермаковой шайки и знаемъ, чѣмъ они закончились и къ чему привели.

Атаманъ говорилъ Донскимъ казакамъ
По имени Ермакъ Тимоѳеевичъ:
„А и вы гой еси, братцы, атаманы казачіе!
„Некорыстна у насъ шутка зашучена.
„И какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать?

---

*) Въ *Ремезовской Лѣтописи* Ермакъ названъ *Германомъ*, а въ другихъ повѣствованіяхъ—*Ермолаемъ*.

**) По Вольскому нарѣчію *Ермакъ* значитъ еще жерновой ручной камень. (Новая Сибирская Лѣтопись).

Тобольскаго
12565

„Въ Астрахани—жить нельзя,
„На Волгѣ жить—ворами слыть,
„На Яикъ идти—переходъ великъ,
„Въ Казань идти—грозенъ царь стоитъ,
„Грозный царь государь Иванъ Васильевичъ;
„Въ Москву идти—перехватаннымъ быть,
„По разнымъ городамъ разосланнымъ
„И по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ.
„Пойдемте мы въ усолья къ Строгановымъ,
„Къ тому Григорью Григорьевичу".

Однако въ это время не было уже въ живыхъ ни Якова, ни Григорія Строгановыхъ. Остался третій братъ, Семенъ Аникіевъ, съ двумя племянниками—Максимомъ, сыномъ Якова, и Никитою, сыномъ Григорія, причемъ, какъ видно, Никита не жилъ въ большомъ согласіи съ дядею Семеномъ и двоюроднымъ братомъ Максимомъ.

Казаки явились къ Строгановымъ въ Чусовскіе городки, въ числѣ 540 человѣкъ, въ концѣ іюня 1579 года и оставались здѣсь до сентября 1581 года. Въ это время, по словамъ лѣтописца, они помогали Строгановымъ защищать ихъ городки отъ нападенія дикарей. Въ іюлѣ 1581 года 680 Вогуличей, подъ начальствомъ мурзы Бегбелія Агтакова, напали нечаянно на Строгановскія владѣнія и начали жечь деревни, забирая въ плѣнъ людей; но ратные люди изъ городовъ съ успѣхомъ напали на нихъ и взяли въ плѣнъ самого мурзу Бегбелія. Вслѣдъ затѣмъ Строгановы рѣшились отпустить казаковъ Ермака съ товарищами за Уральскія горы для достиженія той цѣли, съ какою отцы ихъ испросили царскую грамоту въ 1574 году.

IV.

Походъ Ермака въ Сибирь.

Еще за долго до царя Кучума,—читаемъ мы преданіе, записанное въ лѣтописи,—разныя небесныя знаменія предвозвѣщали паденіе Сибирскаго царства: на воздухѣ являлся городъ съ христіанскими церквами, вода въ рѣкѣ Иртышѣ казалась кровавою, Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры. При Кучумѣ эти знаменія умножились. Разсказывали, что отъ Иртыша приходитъ бѣлый волкъ, а отъ Тобола—чорная гончая собака и грызутся между собою. Бѣлый волкъ означалъ,—по объясненію Сибирскихъ шамановъ (волхвовъ, кудесниковъ),—Кучумову рать, а чорная собака—Русскихъ. „Быть войнѣ! Погибнетъ царство Сибирское отъ Русскихъ!“ такъ проповѣдывали шаманы, ходя по улицамъ.

Какъ бы то ни было, послѣдній часъ существованія Сибирскаго парства уже пробилъ, и побѣдитель Кучума былъ на пути къ своему великому дѣлу, обезсмертившему его имя.

Два года съ небольшимъ прожилъ Ермакъ съ товарищами у Строгановыхъ. Наконецъ 1-го сентября 1581 года Семенъ, Максимъ и Никита Строгановы отпустили казаковъ на Сибирскаго салтана, присоединивъ къ нимъ ратныхъ людей изъ своихъ городковъ—Литовцевъ, Нѣмцевъ (плѣнныхъ), Татаръ и Русскихъ, всего 300 человѣкъ, а въ цѣломъ отрядѣ Ермака съ казаками было 840 человѣкъ. Строгановы дали имъ жалованье, снабдили ихъ съѣстными запасами, одеждою,

оружіемъ, пушечками и пищалями, дали проводниковъ, „вожей“ знающихъ Сибирскій путь, и толмачей, знающихъ бусурманскій языкъ, и наконецъ священника для совершенія разныхъ христіанскихъ требъ. *) Отстоявъ напутственный молебенъ, Ермакъ двинулся съ своимъ отрядомъ въ походъ.

Но въ тотъ самый день, когда Ермакъ съ своею дружиною пошелъ на очищеніе Сибирской земли, толпы дикарей, подъ предводительствомъ Пелымскаго князя, напали на Пермскія мѣста, на Чердынь и на Строгановскія владѣнія. Строгановы отправили въ Москву грамоту съ жалобою, что Вогуличи пожгли ихъ слободки и деревни, усольскія варницы и мельницы, хлѣбъ всякій и сѣно, крестьянъ съ женами и дѣтьми въ плѣнъ взяли,—и просили, чтобы царь велѣлъ имъ дать на помощь ратныхъ людей съ ружьемъ. Между тѣмъ Чердынскій воевода Перепелицынъ, вѣроятно, не поладивший съ Строгановыми, донесъ царю, что въ то самое время, какъ Пелымскій князь напалъ на Пермь, Строгановы, вмѣсто того, чтобы защищать эту область, отправили своихъ казаковъ воевать Сибирскаго салтана. Вслѣдствіе этого донесенія царь велѣлъ отправить къ Строгановымъ грамоту, въ которой говорилось, между прочимъ: „Непремѣнно, по этой нашей грамотѣ, отошлите въ Чердынь всѣхъ казаковъ, какъ только они къ вамъ съ войны возвратятся, у себя ихъ не держите; а если для непріятельскаго прихода вамъ въ острогѣ пробыть нельзя, то оставьте у себя немного людей, че-

---

*) У предковъ нашихъ въ подобныхъ случаяхъ всегда дѣлалось такъ, что если отрядъ искателей новыхъ мѣстъ былъ значителенъ и имѣлъ цѣлью водвореніе въ новой странѣ, то бралъ съ собою священника, потому что „нельзя же было христіанскимъ душамъ умирать безъ причастія среди бусурманъ,“ но отнюдь не для того, чтобы съ его благословенія разстрѣливать людей, не вѣровавшихъ во Христа, какъ то дѣлалось въ Новомъ свѣтѣ испанцами.

ловѣкъ до ста, съ какимъ-нибудь атаманомъ, остальныхъ же всѣхъ вышлите въ Чердынь непремѣнно тотчасъ. А не вышлите изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана Ермака Тимоѳеева съ товарищами, станете держать ихъ у себя, и Пермскихъ мѣстъ не будете оберегать, и если такою вашею измѣною что впередъ случится надъ Пермскими мѣстами отъ Вогуличей, Пелымцевъ и отъ Сибирскаго салтана, то мы за то на васъ опалу свою положимъ большую, атамановъ же и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшать".

Воинъ Оничковъ, отправленный царемъ съ приказомъ—взять и отвести въ Пермь Ермака съ товарищами и не задирать Сибирскаго салтана, не могъ исполнить царскаго приказа: Ермака нельзя было воротить,—онъ былъ уже далеко.

Походъ свой Ермакъ началъ по рѣкѣ Чусовой (лѣвому притоку Камы). Четыре дня казаки плыли на стругахъ и челнахъ вверхъ по этой рѣкѣ до устья рѣки Серебряной. Рѣка Чусовая была быстрая и каменистая: казаки уставали и принуждены были часто останавливаться на отдыхъ. Разъ пристали они къ большому камню, имѣвшему около 25 саженей въ вышину и 30 саженей въ длину; въ камнѣ было отверстіе въ ростъ человѣка. Казаки полѣзли въ это отверстіе и нашли большую пещеру, а въ ней множество самодѣльныхъ покоевъ. Отдохнувъ тутъ казаки поплыли далѣе. Въ пѣснѣ поется, что они тутъ и зимовали:

И пашли они пещеру каменну
На той, на Чусовой рѣкѣ, па висячемъ большомъ каменю,
И зашли они сверхъ того каменю,
Опущалися въ ту пещеру казаки,
Много-немало двѣсти человѣкъ;

А которые остались люди похуже,
На другой сторонѣ въ такую жъ пещеру убирались.
И тутъ имъ было хорошо зиму зимовать.

Камень этотъ до сихъ поръ называется *Ермаковымъ Камнемъ.* *)

Когда казаки добрались до верховьевъ Чусовой рѣки, то здѣсь мѣстами стало такъ мелко, что вода уже не подымала струговъ. Ермакъ ухитрился: онъ снялъ съ своихъ судовъ паруса и запрудилъ ими рѣку, растянувъ ихъ поперекъ ея и устроивъ такимъ образомъ какъ бы шлюзы или плотину,—вода поднялась, и всѣ струги, одинъ за другимъ, прошли черезъ мель. Изъ Чусовой въѣхали въ рѣку Серебряную или Серебрянку, по которой плыли два дня до Сибирской дороги. Здѣсь высадились и поставили земляной городокъ, назвавъ его *Ермаковымъ Кокуемъ-Городомъ.* Съ этого мѣста перевезлись волокомъ чрезъ проходы въ Уральскомъ хребтѣ въ рѣку Жаровлю, впадающую въ Тагилъ, а отсюда спустились въ рѣку Туру, притокъ Тобола.

Здѣсь начиналась Сибирская страна, Сибирское царство. До сихъ поръ казаки никакой помѣхи не встрѣчали; рѣдко даже и людей по берегамъ видѣли: земля здѣсь была дикая, почти совсѣмъ безлюдная; если и встрѣчались изрѣдка люди, то, поглазѣвъ только на казаковъ, уходили прочь. По рѣкѣ Турѣ пошло люднѣе: здѣсь народъ былъ уже не кочевой, бродячій, а осѣдлый, пахотный. Здѣсь казаки впервые встрѣтили городокъ (теперь городъ Туринскъ), гдѣ властвовалъ князекъ Епанча, подручникъ Кучюма. Тутъ пришлось уже пустить въ дѣло оружіе, потому что съ берега

---

*) См. Приложеніе II.

стали стрѣлять изъ луковъ по казакамъ. Они дали залпъ изъ ружей. Нѣсколько Татаръ упало; остальные въ ужасѣ ударились въ бѣгство: никогда еще они не видѣли огнестрѣльнаго оружія. Городокъ Ешанчи былъ разоренъ казаками.

На рѣкѣ Тавдѣ казаки схватили нѣсколько Татаръ, и въ томъ числѣ одного изъ жившихъ при Кучюмѣ, именемъ Таузака, который разсказалъ Ермаку подробно о своемъ салтанѣ и его приближенныхъ:

„Кучюмъ живетъ въ городѣ Сибири, а городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Иртышѣ. Самъ Кучюмъ теперь слѣпъ, однако все еще онъ сильный царь и всѣхъ въ страхѣ держитъ; подъ его рукою много князьковъ, и всѣ ему дань платятъ. Есть у него и храбрые воины, особливо родственникъ его Маметкулъ: это такой богатырь, какого другаго не сыщешь во всей нашей землѣ. Кучюма царя многіе не любятъ за то, что онъ сталъ насильно вводить Магометову вѣру. Есть у него войско и всякихъ снарядовъ военныхъ много; а только нѣтъ у него такихъ луковъ, какъ ваши. А были бы у него такіе луки, онъ бы всѣ земли покорилъ. Сибирь-городъ съ Бухарцами торгуетъ: пріѣзжаютъ они къ намъ изъ своей земли съ разными товарами и берутъ у насъ мѣха. А идти къ Сибири вамъ теперь Тавдою рѣкою, а Тавда въ Тоболъ вошла; стало быть, пойдете вы Тоболомъ, а изъ Тобола прямо въ Иртышъ, — тутъ скоро и Сибирь будетъ“.

Ермакъ отпустилъ Таузака къ Кучюму, чтобы онъ своими разсказами о казакахъ настращалъ хана. Таузакъ, по словамъ лѣтописца, такъ говорилъ Кучюму:

„Русскіе воины сильны: когда стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, то огонь пышетъ, дымъ выходитъ и громъ раздается; стрѣлъ не видать, а уязвляютъ ранами и до

смерти побиваютъ; уцититься отъ нихъ никакими ратными сбруями нельзя,—все на-вылетъ пробиваютъ".

На ружье, конечно, болѣе всего и надѣялась горсть храбрецовъ, задумавшая ни болѣе, ни менѣе, какъ завоевать цѣлое царство и покорить десятки тысячъ людей!

На рѣкѣ Тоболѣ Татары попытались остановить Ермака, протянувъ поперекъ рѣки желѣзныя цѣпи. Изворотливый Ермакъ прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: онъ велѣлъ навязать пуковъ изъ хворосту, напялилъ на эти пуки залишнее казацкое платье и разставилъ ихъ въ лодкахъ; а самъ высадился на берегъ съ своими казаками и напалъ на Татаръ съ тыла. Видя, что и въ лодкахъ казаки, и на берегу казаки, Татары ударились бѣжать; а Ермакъ, снявъ цѣпи, поплылъ дальше.

Казаки плыли въ низъ по Тоболу, и не разъ приходилось имъ разгонять выстрѣлами толпы туземцевъ. Кучюмъ, хотя и былъ напуганъ, и разсказами бѣглецовъ о большихъ силахъ врага, и разными зловѣщими предсказаніями и предзнаменованіями, тѣмъ не менѣе не былъ намѣренъ сдаваться безъ боя. Собралъ онъ все свое войско. Расположившись самъ станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола (неподалеку отъ нынѣшняго города Тобольска), подъ горою Чувашьею, онъ устроилъ здѣсь новую засѣку на всякій случай, а царевича Маметкула отрядилъ съ большимъ войскомъ (въ 10,000 человѣкъ) впередъ, навстрѣчу казакамъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тобола, при урочищѣ Бабасанъ. Завязалась кровопролитная битва, продолжавшаяся цѣлыхъ пять дней. Увидѣвъ множество непріятелей, казаки сперва было смѣшались; но Ермакъ бросился впередъ и ободрилъ ихъ. Стали казаки стрѣлять по Татарамъ и многихъ изъ нихъ повалили. Сначала Татары испугались выстрѣловъ, но потомъ оправились

и начали биться съ казаками. Долго они бились. Досталось и казакамъ; однако Маметкулъ не могъ одолѣть ихъ и побѣжалъ, сгубивъ много своего войска. А казаки поплыли дальше. Недалеко отъ Иртыша одинъ изъ вельможъ или карачей защищалъ свой городокъ: казаки разгромили его, взяли медъ и царское богатство, затѣмъ отправились дальше. Непріятели настигли ихъ на Иртышѣ: Татаръ собралось такое множество, что отъ стрѣлъ ихъ не было проѣзду. Ермакъ причалилъ къ берегу, кинулся на Татаръ и побилъ ихъ крѣпко; но казаки поплатились за свою побѣду нѣсколькими убитыми и всѣ до единаго были переранены. Положеніе казаковъ становилось опаснымъ. Татары, вѣрно, разглядѣли, что враговъ не слишкомъ-то много, и всѣми силами налегали на нихъ. Но казаки были уже недалеко отъ столицы Кучюмовой. Скоро должна была рѣшиться участь ихъ похода. Надо было выбить Кучюма изъ его засѣки и овладѣть столицей.

Наступала ночь. Казаки тихо подвигались противъ воды по быстрому Иртышу. Ермакъ сталъ думать, что ночью не годится плыть, что навѣрно гдѣ-нибудь засѣли Татары: столица была близко,—стало быть, не пропустятъ же они ихъ безъ боя. Да и устали казаки: не мѣшало бы отдохнуть. Замѣтивъ невдалекѣ городокъ Атикъ-Мурзы, Ермакъ взялъ его ужъ почти ночью и засѣлъ тамъ съ своими казаками.

И вотъ настала ночь—осенняя, темная. Подъ Чувашьею горою горѣли огни; копошились Татары, готовясь къ завтрашнему бою; шумъ и гулъ изъ стана ихъ несся по рѣкѣ. Казакамъ не спалось; сердце у нихъ щемило отъ тревоги. Да и было о чемъ призадуматься: силы у Кучюма было гораздо больше—на каждаго Русскаго приходилось, пожалуй, по двадцати Татаръ. Собрались казаки въ кругъ и стали толковать, какъ

быть: впередъ ли идти или назадъ вернуться? Одни кричали, что надо уходить домой, что разнаго добра ужъ набрано вдоволь, что идти на Кучюма — значитъ лѣзть на вѣрную смерть; отъ труднаго похода и частаго боя у нихъ и 500 человѣкъ въ живыхъ не осталось, а у Кучюма ратныхъ людей многія тысячи. Другіе, которые были посмѣлѣе, и во главѣ ихъ самъ Ермакъ, разсуждали иначе:

„Братцы!—говорили они:—куда намъ бѣжать? Время уже осеннее, въ рѣкахъ ледъ смерзается: не побѣжимъ, худой славы не примемъ, укоризны на себя не положимъ, но будемъ надѣяться на Бога.—Онъ и безпомощнымъ поможетъ. Вспомнимъ, братцы, обѣщаніе, данное нами честнымъ людямъ (Строгановымъ)! Назадъ со стыдомъ возвратиться намъ нельзя. Если Богъ намъ поможетъ, то и по смерти память наша не оскудѣетъ въ тѣхъ странахъ, и слава наша вѣчна будетъ“.

Согласились съ этимъ всѣ и порѣшили—оставаться и биться до смерти.

23-го октября, на разсвѣтѣ, казаки, усердно помолившись Богу, двинулись на засѣку. Пушки и ружья сослужили теперь имъ свою службу. Татары изъ своей ограды пускали тучи стрѣлъ, но мало вреда причиняли Русскимъ. Наконецъ Татары сами проломали свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и ударили на казаковъ. Началъся страшный рукопашный бой. Тутъ ужъ ружья не помогали: приходилось рубиться мечами или схватываться прямо руками. Оказалось, что казаки и здѣсь показали себя богатырями: несмотря на то, что враги были въ двадцать разъ многочисленнѣе, казаки сломили ихъ. Сибиряки бросились назадъ въ засѣку,—туда же вломились за ними и казаки, а впереди всѣхъ Ермакъ и атаманъ Кольцо.

Не ясенъ то соколъ по небу разлетываетъ,—
Младъ Ермакъ на добромъ конѣ разъѣзживаетъ
По тыя по силы по Татарскія:
Куда махнетъ палицей—туда улица;
Перемахнетъ—переулочекъ.

Наконецъ казаки ранили Маметкула, главнаго героя татарскаго и опору Кучюма. Татары выволокли раненнаго царевича изъ боя и бросились бѣжать во всѣ стороны. Старый ханъ, стоявшій до того времени на горѣ и молившійся съ своими муллами (магометанскими священниками) Богу о дарованіи побѣды надъ Русскими, услыхавъ, что войско его побито и что всѣ покинули его, горько заплакалъ, оставилъ засѣку, прибѣжалъ въ свой городъ Сибирь, забралъ здѣсь, сколько могъ, пожитковъ и бѣжалъ дальше.

Утомившіеся отъ боя казаки не гнались ужъ за обратившимися въ бѣгство Татарами, а пошли въ свой городокъ, поставили сторожей и крѣпко уснули. Трое сутокъ отдыхали они послѣ своей славной побѣды, которая и имъ обошлась не дешево: въ одномъ только послѣднемъ сраженіи пало ихъ 107 человѣкъ; *) немало было и раненыхъ.

Похоронивъ съ честію своихъ убитыхъ товарищей, казаки 26-го октября тронулись къ городу Сибири и чрезъ три дня были у него. Не велика была столица Кучюма, съ одной стороны защищенная крутымъ берегомъ Иртыша, а съ другихъ сторонъ — тройнымъ валомъ и рвомъ. Дома въ ней были изъ дерева и изъ нежженнаго кирпичу. Подошли казаки осторожно къ городу и прислушиваются: ничего не слыхать, словно всѣ въ городѣ вымерли. Ермакъ думаетъ: „Навѣрное,

*) Въ синодикѣ Тобольской соборной церкви означено именно 107 убитыхъ въ этомъ дѣлѣ казаковъ.

коварные Татары устроили засаду и притаились. Нужно напередъ все высмотрѣть, чтобы не попасть, по оплошности. въ нечаянную бѣду“. Послалъ онъ нѣсколько казаковъ на развѣдки. Высмотрѣвъ все въ городѣ и вокругъ города, посланные казаки возвратились съ извѣстіемъ, что нигдѣ нѣтъ ни души. Тогда Русскіе вошли въ опустѣлый городъ, изъ котораго всѣ жители разбѣжались невѣдомо куда. Многое множество золота, серебра, мѣховъ и разныхъ другихъ дорогихъ вещей нашли тутъ казаки и все по-братски подѣлили между собою.

Пріуныли—было побѣдители въ пустомъ городѣ. Идти дальше имъ стало уже не въ мочь, а между тѣмъ запасы у нихъ кончались и наступала лютая зима. Голодъ и смерть грозили имъ. Такъ прожили они три дня. Наконецъ на четвертый день пришелъ къ Ермаку одинъ Остяцкій князь съ дружиною, принесъ много даровъ и запасовъ и сказалъ: „Я былъ въ бою подъ Чувашьей горою и увидѣлъ, что тебя побѣдить нельзя. Сказалъ объ этомъ своему народу, и вотъ мы пришли къ тебѣ съ подарками. Будь нашимъ заступникомъ!“ Казаки обрадовались. Ермакъ ласково обошелся съ княземъ и сказалъ: „Ступайте, живите на прежнихъ мѣстахъ: никто васъ не тронетъ“. За Остяками стали приходить съ Иртыша и Тобола Татары съ женами и дѣтьми. Ермакъ приводилъ всѣхъ приходившихъ къ присягѣ государю, обнадеживалъ ихъ его милостью, обходился ласково и отпускалъ безъ всякой обиды въ ихъ юрты. Казакамъ строго было запрещено обижать покорившихся туземцевъ.

Съ первыхъ же недѣль своей зимовки казаки увѣрились, что теперь имъ нечего безпокоиться, что подвиги ихъ надолго упрочили въ этихъ мѣстахъ тишину и спокойствіе: они довѣрчиво стали выходить изъ го-

рода Сибири на промыслы и мелкими дружинами удалялись отъ прочихъ товарищей на порядочное разстояніе. Такъ однажды (это было 5-го декабря) двадцать казаковъ отправились на Абалацкое озеро *) ловить рыбу. Они устроили себѣ тамъ шалаши и, утомившись одно время работой, легли на покой, но стражи не разставили. А Маметкулъ былъ недалеко и сторожилъ ихъ. Воспользовавшись ихъ безпечностью, онъ подкрался къ нимъ и умертвилъ всѣхъ до единаго. Услышавъ объ этомъ, Ермакъ пошелъ мстить за товарищей, настигъ Татаръ при Абалакѣ **) и бился съ ними до ночи. Ночью они разбѣжались, и Ермакъ возвратился въ Сибирь.

Весною по водополью, пришелъ къ Ермаку одинъ Татаринъ и сказалъ, что Маметкулъ стоитъ на рѣкѣ Вагаѣ, верстъ за сто отъ города Сибири. Ермакъ тотчасъ же отрядилъ часть казаковъ, которые ночью напали на станъ царевича, побили много Татаръ, а самаго Маметкула взяли въ плѣнъ и привезли къ Ермаку въ Сибирь. Ермакъ обрадовался, говорилъ ласковыя рѣчи царевичу, утѣшалъ его и сталъ отпускать ему самый лучшій кормъ, а своимъ на строго приказалъ, чтобы никто не смѣлъ обижать его. Плѣнъ храбраго Маметкула былъ страшнымъ ударомъ для Кучюма, стоявшаго тогда на рѣкѣ Ишимѣ (притокъ Иртыша). Но вслѣдъ за этою печальною вѣстію пришла другая дурная вѣсть: скоро дали знать старому Хану, что на него идетъ князь Сейдякъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата, чтобы отмстить за смерть отца. Нако-

---

*) „Подъ высокимъ берегомъ Иртыша, на лугу, есть озеро продолговатое, кривое, узкое, которое соединяется съ рѣкою и называется Абалацкимъ, а потатарски Эбалакъ-Бюренъ“ (*Миллеръ*, Сибирская Исторія. 138).

**) Это названіе сохранилось и понынѣ въ названіи селенія Абалацкаго, верстахъ въ 5-ти отъ бывшей Сибири, вверхъ по Иртышу.

нецъ ему измѣнилъ его карача (воевода, близкій человѣкъ) съ своими людьми. Горько заплакалъ старикъ Кучюмъ, говоря: „Кого Богъ не милуетъ, тому и честь на безчестье приходитъ, того и любимые друзья оставляютъ“.

Лѣто 1582 года Ермакъ употребилъ на покореніе городковъ и улусовъ татарскихъ по рѣкамъ Иртышу и Оби; взялъ, между прочимъ, Остяцкій городъ Назымъ *) и плѣнилъ его князя, но за то потерялъ въ этомъ походѣ храбраго атамана своего Никиту Пана съ его дружиною, котораго сильно жалѣлъ.

V.

Посольство Ермака къ царю.

Возвратившись изъ похода въ Сибирь, Ермакъ увидѣлъ, что ему нужна подмога, потому что людей у него осталось мало: пришелъ онъ въ Сибирскую землю съ 840, а теперь оставалось всего 300 человѣкъ. Съ такою малою силой нельзя было держаться въ далекомъ краю противъ великаго множества враговъ. И вотъ Ермакъ шлетъ о себѣ вѣсть Строгановымъ: „Кучюма салтана одолѣлъ, стольный городъ его взялъ и царевича Маметкула плѣнилъ“. Строгановы поспѣшили обрадовать этою вѣстью царя, который за ихъ службу и радѣнье пожаловалъ, Семена городами Солью-Большою на Волгѣ и Солью-Малою, а Максиму и Никитѣ далъ

---

*) Рѣка Назымъ впадаетъ въ Обь выше Иртыша съ сѣверной стороны; недалеко отъ устья этой рѣки видны развалины Остяцкаго городка, вѣроятно, Назыма.

право въ городкахъ и острожкахъ ихъ производить безпошлинную торговлю какъ имъ самимъ, такъ и всякимъ пріѣзжимъ людямъ.

Но скоро въ Москву явилось особое посольство отъ самого Ермака Тимоѳеевича.

Проявился въ Сибири славный-крѣпкій казакъ,
Славный-крѣпкій казакъ, по прозванью Ермакъ.
Ужъ какъ этотъ-то Ермакъ, онъ сражался не робѣлъ,
Онъ сражался не робѣлъ, всей Сибирью завладѣлъ.
Завладѣвши всей Сибирью, онъ царю послалъ поклонъ:
„Ой ты гой еси, надежа—православный царь!
„Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
„Какъ и я-то, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
„Какъ и я-то воровской Донской атаманушка,
„Какъ и я-то гулялъ по синю-морю,
„Что по синю-морю по Хвалынскому,
„Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
„Какъ и тѣ-то корабли все неорленые;
„А теперича, надежда-православный царь,
„Приношу тебѣ буйную головушку
„И съ буйной головой царство Сибирское!“

Въ большой Кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Іоаннъ Васильевичъ Грозный сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой одеждѣ, украшенной образами и дорогими каменьями. По правую его руку стоялъ царевичъ Ѳеодоръ, по лѣвую—Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены были рынды (царскіе тѣлохранители) въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами. Раздался звукъ трубъ и звонъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые двумя стольниками, посланные Ермака. Позади ихъ несли дорогіе мѣха, разныя странныя утвари и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія. Во гла-

вѣ посольства шелъ человѣкъ лѣтъ подъ 50, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми, проницательными глазами, съ черной, густою, но короткою бородою, подернутою легкою просѣдью. Это былъ Иванъ Кольцо, первый сподвижникъ Ермака.

„Великій государь! — сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола: — казацкій твой атаманъ, Ермакъ Тимоѳеевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старались заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ — новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще и это Сибирское, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру!“

Съ этими словами посолъ Ермаковъ вмѣстѣ съ товарищами своими опустился на колѣни и преклонилъ голову свою до земли.

— Встаньте, добрые слуги мои! — сказалъ Іоаннъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость!

Вставъ съ земли, Иванъ Кольцо подалъ царю Ермакову грамоту о покоренiи Сибири. Эта грамота сильно обрадовала царя: онъ простилъ казакамъ всѣ прежнiя вины ихъ, хвалилъ Ермака и всѣхъ его сподвижниковъ, велѣлъ по церквамъ служить молебны и звонить во всѣ московскiе колокола. Давно уже,—говорятъ современники, — не бывало такой радости въ унылой Москвѣ. Молва, что не оскудѣла милость Божiя къ Россiи, что Богъ послалъ ей новое обширное царство, быстро разносилась въ народѣ: народъ толпился въ церквахъ, на площадяхъ, на улицахъ; вездѣ шли толки про Ермака и его казаковъ, причемъ на ряду съ правдою разсказывалось много и такихъ чудесъ, какихъ на самомъ дѣлѣ и не бывало. Ивана Кольцо и бывшихъ съ нимъ

казаковъ царь пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ—деньгами, сукнами, камками; оставшимся въ Сибири казакамъ онъ послалъ свое полное большое жалованье, а Ермаку — богатую шубу съ своего царскаго плеча, серебряный ковшъ и два дорогихъ панцыря (доспѣха). Въ своей милостивой грамотѣ, посланной Ермаку, царь величалъ его *княземъ Сибирскимъ*. Для принятія у Ермака завоеванныхъ имъ Сибирскихъ городовъ отправлены были воеводы, князь Семенъ Болховской и Иванъ Глуховъ, съ пятью сотнями стрѣльцовъ.

Иванъ Кольцо возвратился съ царскими воеводами и ратными людьми въ городъ Сибирь 1-го марта 1583 г. Воеводы объявили Ермаку и казакамъ государеву милость и отдали имъ государево жалованье. Атаманъ и казаки много радовались и веселились, что государь не только простилъ имъ прежнія вины, но и за новую службу не оставилъ своею царскою милостью. Стали они дарить царскихъ воеводъ, чѣмъ кто могъ—соболями, лисицами и другимъ дорогимъ мѣхомъ; а Ермакъ, на радости, задалъ большой пиръ всѣмъ ратнымъ людямъ.

Плѣнный царевичъ Маметкулъ былъ отправленъ въ Москву: царь принялъ его ласково, взялъ его въ свою службу и далъ ему вотчины. Служа въ послѣдствіи въ нашихъ ополченіяхъ этотъ царевичъ писался въ разрядахъ обыкновенно *Алтауловичемъ* (Разрядн. Кн. 1590 и 1598 гг.); слѣдовательно отцомъ его былъ Алтаулъ, а не Кучюмъ и не Муртаза, какъ думаютъ нѣкоторые.

VI.

Смерть Ивана Кольцо и Ермака.

Мы видѣли, какой радости предались Ермаковы казаки, по возвращеніи изъ Москвы ихъ посольства, привезшаго имъ царскую благодарность и милость. Но счастье Ермака и сподвижниковъ его было непродолжительно: за ясными днями послѣдовали для нихъ дни тяжелые и печальные.

Князь Семенъ Волховской привезъ съ собою въ Сибирь мало запасовъ, полагая, что у казаковъ заготовлено ихъ вдоволь; а казаки между тѣмъ вовсе не ждали, что царскія войска придутъ зимою, и запаслись на зиму только для себя. Поэтому заготовленные запасы скоро вышли. Страшные морозы, вьюги, мятели, препятствуя казакамъ выходить на охоту и рыбную ловлю, мѣшали въ тоже время доставкѣ хлѣба изъ сосѣднихъ юртовъ, гдѣ нѣкоторые жители занимались скуднымъ хлѣбопашествомъ. Отъ недостатка свѣжей пищи открылась болѣзнь (цынга), обыкновенная для новыхъ пришельцовъ въ холодномъ, сыромъ климатѣ. Болѣзнь и голодъ произвели большую смертность: стали умирать ежедневно и казаки, и московскіе ратники; въ числѣ прочихъ умеръ и самъ воевода Волховской. Правда, наступившая весна способствовала прекращенію болѣзни и голода; но бѣдствія казаковъ еще не кончились этимъ: борьба съ суровою природою оказалась для мужественныхъ казаковъ менѣе опасною, нежели борьба съ вѣроломными жителями страны, не терявшими надежды уничтожить все дѣло Ермака, стоившее ему и его сподвижникамъ столькихъ трудовъ...

Мы говорили прежде, что одинъ князекъ или карача, имѣвшій многолюдный улусъ на Тарѣ, оставилъ своего Кучюма въ невзгодѣ. Этотъ то карача, имѣвшій лазутчиковъ въ Искерѣ (Сибири), вдругъ присылаетъ Ермаку подарки съ такою льстивою рѣчью: „хочу быть вѣрнымъ слугою Московскаго царя; а ты пришли въ мой улусъ своихъ казаковъ, чтобъ они защитили меня и людей моихъ отъ непріятелей моихъ—Ногаевъ. Казаковъ я приму съ честью и награжу ихъ за службу ихъ". Повѣрилъ довѣрчивый Ермакъ хитрому татарину и, посовѣтовавшись съ своими казаками, отрядилъ къ нему 40 добрыхъ воиновъ подъ командою атамана Ивана Кольцо. Эта горсть отважныхъ удальцовъ могла бы двумя или тремя залпами разогнать тысячи дикарей; но они шли къ мнимымъ друзьямъ безъ всякаго опасенія и сдѣлались жертвою своей довѣрчивости: Карача напалъ на казаковъ врасплохъ со множествомъ своихъ Татаръ и перерѣзалъ всѣхъ до одного. *) „Слышно-жъ было—говоритъ лѣтописецъ—въ градѣ атаманомъ и и казакомъ, что Иванъ Кольцо съ дружиною побіени быша, и рыдаху"... Больше всѣхъ плакалъ Ермакъ о своемъ вѣрномъ сподвижникѣ и его товарищахъ, какъ о своихъ родныхъ дѣтяхъ, считая себя нѣкоторымъ образомъ виновникомъ (хотя и невиннымъ) преждевременной смерти ихъ, потому что повѣрилъ вѣроломному Карачѣ.

Обрадовавшись чувствительной потерѣ Ермака, окрестные народцы, бывшіе данниками Московскаго государя, возмутились противъ Русскихъ, убили въ разъѣздѣ атамана Якова Михайлова **) и соединились съ

*) Въ синодикѣ Тобольской соборной церкви убіеніе Ивана Кольцо съ дружиною означено 17 апрѣля.

**) „Тогда атаманъ Яковъ Михайловъ, хотя надъ окаянными промыслъ учинити, пойде подъ нихъ въ подсмотръ: они же яша его и убиша" (Строгановская лѣтопись).

Карачею, собравшимъ большую силу. Татары подступили къ городу Сибири и обложили его со всѣхъ сторонъ: Карача намѣревался уморить казаковъ голодомъ. Казаковъ и стрѣльцовъ было мало, но они отсиживались долго и крѣпко. Наступилъ іюнь, у осажденныхъ стали выходить запасы, и Ермакъ рѣшился въ крайности на отчаянное дѣло. Жалѣя людей онъ до сихъ поръ не дѣлалъ вылазокъ; стрѣлять же изъ легкихъ пушекъ не было цѣли, потому что непріятель стоялъ не подъ самымъ городомъ и не подходилъ близко къ городскому валу. Наконецъ Ермакъ рѣшился сдѣлать вылазку и выбралъ для этого темную ночь. Казаки вышли тайкомъ изъ города и прокрались сквозь непріятельскіе обозы къ становищу Карачи на урочищѣ, называемомъ Саусканомъ *). Татары спали мирно, не подозрѣвая опасности. Казаки кинулись на нихъ и начали ихъ рѣзать. Заметались Татары съ просонокъ: слышатъ стоны и крики, а ничего въ потьмахъ не видятъ и не понимаютъ. Много было побито Татаръ, и въ числѣ ихъ были убиты два сына Карачи. Когда занялась заря, Татары нѣсколько ободрились и кинулись на казаковъ; однако и казаки не сробѣли: забравшись въ обозъ Карачи, они стали оттуда отстрѣливаться. Бой продолжался до полудня. Наконецъ Татары не выстояли и ударились въ бѣгство. Самъ Карача бѣжалъ за Ишимъ. Ермакъ, хотя уже и слабый числомъ людей, пошелъ въ догоню за нимъ вверхъ по Иртышу. Онъ покорилъ тутъ много городковъ. Одинъ князь, по имени Еличай, привелъ къ Ермаку свою красавицу дочь, невѣсту сына Кучюмова, предлагая ему взять ее себѣ въ жены. Но цѣломудренный атаманъ отказался отъ этого предложенія. Близъ устья Ишима, въ кровопролитной схваткѣ

*) „Саускапъ до града Сибири 10 поприщъ“ (Есиповская лѣтопись).

съ жителями. Ермакъ лишился пяти мужественныхъ казаковъ, донынѣ воспѣваемыхъ въ унылыхъ сибирскихъ пѣсняхъ, *) взялъ еще городокъ Ташаткань и, достигнувъ рѣки Шиша, гдѣ начинаются голыя степи, возвратился домой.

Немного уже осталось у Ермака людей изъ числа тѣхъ, которые пришли вмѣстѣ съ нимъ въ Сибирь три года тому назадъ: всѣ главные сподвижники его погибли въ главныхъ бояхъ. Наконецъ и для него самого пробилъ послѣдній роковой часъ.

Утвердившись въ Сибири, казаки завязали торговыя сношенія съ Бухарцами, и бухарскіе караваны уже два года къ урочному времени являлись въ городъ Сибирь на ярмарку, но теперь что-то запоздали. Въ началѣ августа Ермакъ получилъ извѣстіе, что Кучюмъ собирается перехватить на дорогѣ бухарскій караванъ, шедшій въ Сибирь **). Отобравъ сейчасъ же 50 человѣкъ самыхъ отважныхъ и надежныхъ казаковъ, Ермакъ пустился съ ними на поиски вверхъ по Иртышу. Плыли цѣлый день, выходили во многихъ мѣстахъ и на берегъ, но нигдѣ не встрѣтили ни купцовъ, ни Кучюмовыхъ людей. Наступала уже ночь,—приходилось возвращаться домой. Но за цѣлый день казаки до того истомились, что необходимо было дать имъ отдыхъ. И вотъ на возвратномъ пути казаки причалили къ острову при впаденіи рѣки Вагая въ Иртышъ. Привязавъ лодки, они вышли на островъ, разбили шатры и отъ большой усталости заснули всѣ до одного крѣпкимъ сномъ, не поставивъ даже сторожей. Всегда очень

---

*) Эти татарскія пѣсни начинаются словами: *янымъ, янымъ, биишъ казакъ*,— то есть: *воины, воины, пять казаковъ*.

**) Всего вѣроятнѣе, что самъ Кучюмъ послалъ съ *ложною* вѣстью о бухарскомъ караванѣ своего Татарина къ Ермаку, чтобы заманить послѣдняго въ сѣти.

осторожный и бдительный, Ермакъ на этотъ разъ оплошалъ,—точно злая судьба захотѣла посмѣяться надъ нимъ...

Ночь была темная, ненастная; лилъ сильный дождь; крѣпкій вѣтеръ свистѣлъ и выль; по рѣкѣ ходили волны, своимъ однообразнымъ шумомъ и плескомъ еще болѣе усыпляя казаковъ. Какъ убитые спали казаки послѣ трудоваго дня, забывъ и про Татаръ. А Татары были близко, съ другой стороны рѣки подстерегая казаковъ: Кучюмъ цѣлый день не терялъ слѣдовъ своего злѣйшаго врага. Въ самую глухую ночную пору онъ послалъ одного Татарина искать бродъ къ острову, потому что лодокъ у татаръ не было. Этотъ Татаринъ былъ за что то приговоренъ къ смерти, но Кучюмъ обѣщалъ помиловать его, если онъ доберется до казаковъ, не переполошивъ ихъ. Татаринъ поѣхалъ верхомъ на лошади, нащупалъ бродъ, высмотрѣлъ казаковъ и вернулся къ Кучюму съ вѣстію, что казаки всѣ крѣпко спятъ и сторожей не выставили. Кучюмъ не повѣрилъ такому невѣроятному извѣстію, приказалъ татарину въ другой разъ пробраться къ казакамъ и привезти ему какой нибудь *знакъ*, вещественное доказательство справедливости своихъ словъ. Татаринъ отправился снова, перебрелъ рѣку и осторожно, какъ кошка, подползъ къ одному изъ шатровъ. Просунувъ подъ шатеръ руку, онъ вытащилъ три пищали (ружья) и три пороховницы, затѣмъ ползкомъ добрался до берега и привезъ ихъ къ Кучюму. *Заиграло тогда сердце Кучюмово*, какъ сказано въ лѣтописи. Большой толпой, но тихо и осторожно стали Татары переправляться къ острову. Казаки продолжали крѣпко спать, ничего не слыша за воемъ вѣтра и шумомъ волнъ. И вотъ Татары уже перебрались благополучно на островъ, подкрались къ безпечно спящимъ казакамъ, бросились на нихъ разомъ и стали рѣ-

зать безотпорно. Такъ плачевно погибли наши казаки, бывшіе для Татаръ страхомъ и грозою. Только два человѣка спаслись отъ татарскаго ножа: одинъ изъ спасшихся въ эту злополучную ночь добрался до города Сибири и принесъ товарищамъ ужасную вѣсть о гибели своихъ. Другой былъ самъ Ермакъ. Услыхавъ стоны и суматоху, онъ вскочилъ на ноги, схватилъ саблю и бросился на Татаръ, успѣвъ уложить нѣсколькихъ изъ нихъ. Но татары начали сильнѣе напирать на него. „Ко мнѣ, братцы! ко мнѣ товарищи!“ закричалъ громко атаманъ. Никто не откликался, никто не являлся на его зовъ: одни изъ казаковъ лежали уже бездыханные, другіе копошились подъ Татарами. Увидѣлъ Ермакъ, что дѣло поправить уже нельзя, кинулся къ берегу, порубилъ на дорогѣ еще нѣсколько Татаръ и бросился къ лодкамъ,—но лодки отнесло бурею на средину рѣки. Тогда Ермакъ кинулся въ воду и поплылъ къ лодкамъ; но тяжелый доспѣхъ, царскій подарокъ, не давалъ ему плыть, тянулъ его ко дну, а Татары пускали въ него стрѣлы. Ослабѣлъ Ермакъ и утонулъ. Это было 5-го августа 1584 года *).

13-го августа тѣло Ермака приплыло къ селенію *Епанчинскіе юрты*, въ 12-ти верстахъ отъ Абалака. Татаринъ Яишъ, внукъ князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ человѣческія ноги, петлею вытащилъ утопленника, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей селенія на пріятное зрѣлище—смотрѣть на бездушнаго исполина, наводившаго страхъ при жизни. Кучюмъ и самые отдаленные князья Остяцкіе, извѣщенные о драгоцѣнной находкѣ, съѣхались насладиться

*) Въ синодикѣ Тобольской соборной церкви записано: „Атаману Ермаку съ товарищи сороки человѣкомъ вѣчная память... и которые побіени съ нимъ казаки по Вагаю рѣкѣ на переволоки; а имена ихъ въ синодикъ написаны“.

местію надъ ненавистнымъ, хотя уже безвреднымъ врагомъ: положивъ тѣло Ермака на рупрукъ (возвышенную площадку), злобные Татары пускали въ него стрѣлы; изстрѣлявъ же его совершенно, они зарыли его въ землю, а доспѣхи Ермака взяли себѣ. Верхняя кольчуга Ермакова отдана была жрецамъ Бѣлогорскаго идола, нижняя—мурзѣ Кандаулу, кафтанъ—князю Сейдаку, а сабля съ поясомъ—мурзѣ Карачѣ. Стрѣлецкій сотникъ, Ульянъ Моисеевъ Ремезовъ, узналъ въ 1650 году всѣ обстоятельства и подробности дѣла о смерти Ермака отъ Калмыцкаго тайши (начальника племени) Аблая, сильно желавшаго имѣть броню Ермакову и наконецъ получившаго ее отъ потомковъ Кандауловыхъ, согласно повелѣнію царя Алексѣя Михайловича.

VII.

Дальнѣйшія событія въ Сибири.

Горько заплакали казаки, узнавъ о смерти своего удалаго атамана, пришли въ совершенное отчаяніе. „Пропали мы теперь совсѣмъ“, говорили они и рѣшились возвратиться въ Русскую землю. Ихъ оставалось около 150 человѣкъ—казаковъ и Московскихъ ратниковъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгановской дружины, подъ главнымъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка. Со смертію Ермака для нихъ все кончилось, и 15-го августа они вышли изъ города Сибири съ тяжелымъ сердцемъ, покидая гробы своихъ товарищей, теряя всѣ плоды своихъ кровавыхъ трудовъ. Эти теперь уже не гордые завоеватели, а несчастные изгнанники, поплыли по Тоболу вверхъ, къ великой ра-

дости Кучюма. Городъ Искеръ опустѣлъ. Въ него вошелъ сначала сынъ Кучюмовъ, Алей, и вслѣдъ за нимъ и самъ Кучюмъ, чтобы снова царствовать и снова лишиться царства. Радовался старикъ, извѣдавшій столько превратностей въ жизни, что воротилъ свое царство; но скоро пришелъ Сейдякъ, отецъ котораго былъ убитъ Кучюмомъ, и выгналъ его вонъ изъ Сибири.

Итакъ дѣло Ермака погибло съ его смертью? Нѣтъ, не погибло, не заглохло великое дѣло Ермаково. Путь въ Сибирь былъ указанъ, и начало русскому владычеству здѣсь положено. Послѣ смерти Грознаго и гибели Ермака, русскіе отряды одинъ за другимъ шли по пути, указанному имъ, за Каменный Поясъ; туземные полудикіе народцы одни за другими подпадали подъ власть Русскаго царя и несли ему свой ясакъ (подать); заводились въ новомъ краю русскіе поселки, строились города, и мало-по-малу весь сѣверъ Азіи съ его неисчерпаемыми богатствами достался Россіи.

Преемникъ Іоанна Грознаго, царь Ѳедоръ Іоанновичъ, еще не зная о смерти Ермака, но зная объ уменьшеніи его силъ вслѣдствіе голода и болѣзней, немедленно послалъ въ Сибирь воеводу Ивана Мансурова съ отрядомъ стрѣльцовъ и вслѣдъ за нимъ и другихъ воеводъ—Василія Сукина, Ивана Мяснаго и Данилу Чулкова съ значительнымъ числомъ ратниковъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Мансуровъ встрѣтилъ нашихъ Сибирскихъ героевъ, атамана Матвѣя Мещеряка съ остаткомъ Ермаковыхъ сподвижниковъ, на рѣкѣ Турѣ. „Добліе казаки ожили радостію“, говоритъ лѣтописецъ. Не страшась новыхъ опасностей и трудовъ и не желая возвратиться въ отечество несчастными изгнанниками, они возвратились вмѣстѣ съ воеводою Мансуровымъ къ устью Тобола. Однако имъ не удалось взять Искара, гдѣ господствовалъ уже не старый Кучумъ, а

побѣдитель его, юный князь Сейдякъ. Тогда казаки предложили Мансурову плыть далѣе Иртышемъ, не смотря на осеннее время, холодъ и морозы. Тамъ, гдѣ Иртышъ впадаетъ въ Обь, они вышли на берегъ и построили деревянную крѣпость. Остяки хотѣли взять эту крѣпость. Принесли они съ собою славнаго Бѣлогорскаго идола и начали молиться ему подъ деревомъ, чтобы онъ помогъ имъ одолѣть Русскихъ. Когда же Русскіе пушечнымъ выстрѣломъ сокрушили этого идола. Остяки въ ужасѣ разбѣжались.

Воевода Сукинъ и Мясной остановились на берегу Туры и на мѣстѣ городка Чингія основали нынѣшній городъ *Тюмень*. А Чулковъ заложилъ недалеко отъ города Сибири городокъ *Тобольскъ* и въ немъ первую христіанскую церковь (въ 1587 году). Извѣстивъ объ этомъ воеводу Мансурова и атамана Мещеряка и соединившись съ ними, онъ разбилъ Сейдяка, рѣшившагося сдѣлать приступъ къ Тобольской крѣпости. Самъ Сейдякъ раненый былъ взятъ въ плѣнъ. Весь обозъ достался побѣдителямъ. Однако эта побѣда, доверившая паденіе Сибирскаго царства, стоила жизни послѣднему Ермакову атаману, Матвѣю Мещеряку. Искеръ опустѣлъ, и Тобольскъ сдѣлался новою столицею Сибири.

Изгнанникъ Кучюмъ держался съ шайками Ногаевъ въ Барабинской степи, жегъ селенія и убивалъ людей въ самыхъ окрестностяхъ Тобола. Чтобы унять этого разбойника, новый Сибирскій воевода, князь Кольцовъ-Мосальскій, ходилъ въ глубину Ишимскихъ степей и близъ озера Чили-Кула (1-го августа 1591 года), истребилъ большую часть его конницы и захватилъ въ плѣнъ двухъ женъ его и сына Абдулъ-Хаира. Напрасно царь Ѳедоръ Іоанновичъ предлагалъ Кучюму жалованье, города и волости въ Россіи, обѣщая даже оставить его царемъ въ землѣ Сибирской, если онъ

изъявить покорность. Напрасно убѣждалъ къ тому же своего отца и плѣнникъ Абдулъ-Хаиръ, прославляя великодушіе царя Ѳедора, давшаго ему и царевичу Маметкулу богатыя земли въ собственность. Кучумъ гордо отвергъ предложеніе царя Московскаго и отвѣчалъ: „Я не уступалъ Сибири Ермаку, хотя онъ и взялъ ее. Желая мира, я требую берега Иртыша". Наконецъ злосчастный Кучюмъ былъ убитъ Ногаями.

А Русскіе, продолжая укрѣпляться въ Сибири, построили нѣсколько городовъ. Такъ въ 1592 году, при Тобольскомъ воеводѣ князѣ Ѳедорѣ Михайловичѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, были основаны: *Пелымъ*, *Березовъ*, *Сургутъ*, въ 1594 году—*Тара*, въ 1596 году—*Нарымъ* и *Кетскій Острогъ*. Такимъ образомъ, около 1586 года, за Россіей былъ укрѣпленъ западный край Азіи до среднихъ частей Енисея, доставлявшій въ то время въ казну 200,000 соболей, 10,000 черныхъ лисицъ и 500,000 бѣлокъ, кромѣ бобровъ и горностаевъ. При царѣ Борисѣ Годуновѣ обложены были данью Самоѣды и заобскіе Татары и въ числѣ другихъ городовъ основанъ *Томскъ* въ 1604 году. Покореніе Татаръ продолжалось и при царѣ Василіи Шуйскомъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ были обложены ясакомъ Тунгусы, и на ихъ земляхъ построены *Енисейскъ* и *Красноярскъ*. Въ 1630-хъ годахъ началось покореніе земли Якутовъ и по рѣкѣ Ленѣ заложены крѣпости *Киренскъ*, *Олекминскъ* и *Якутскъ*. Для предупрежденія браковъ стрѣльцовъ и казаковъ съ туземцами, правительство стало поощрять переселеніе въ Сибирь русскихъ земледѣльцевъ съ семействами, что способствовало укорененію Русскихъ въ Сибири. Еще важнѣйшія пріобрѣтенія были сдѣланы при Алексѣѣ Михайловичѣ: обложены данью Буряты, Тунгусы, покорены земли по рѣкамъ Ононъ, Нерчѣ, Шилкѣ и Аргуни, основаны города *Нерчинскъ* и *Ир-*

кутскъ. Между тѣмъ слухъ о богатствахъ Даурiи, орошаемой рѣкою Амуромъ, достигъ Якутска, и по вызову воеводы голова Поярковъ спустился въ Даурiю, узналъ состоянiе этого края, склонилъ Гиляковъ къ подданству Россiи и лѣтомъ 1646 года воротился въ Якутскъ. Въ 1649 году промышленникъ Кабаровъ достигъ Амура, занялъ городъ Албазикъ и, плывя внизъ по Амуру, покорилъ Дауровъ, Ачанъ и Дучеровъ, послѣ счастливой битвы съ Китайцами въ 1652 году. Правительство Московское поняло важность пріобрѣтенiя этой страны: на Амуръ послано было до 3,000 стрѣльцовъ и казаковъ; но русскiе воеводы не съумѣли укрѣпиться въ Албазинѣ. Въ 1682 году былъ подписанъ Нерчинскiй договоръ, по которому Россiя лишилась Албазина и всей Даурiи. Взамѣнъ этого въ первыхъ годахъ XVIII столѣтiя къ Россiи были присоединены Камчатка и земля Коряковъ. Въ 1707 году князь Матвѣй Гагаринъ былъ назначенъ первымъ генералъ-губернаторомъ всей Сибири; въ 1711 году послѣдовало открытiе Курильскихъ острововъ. Въ царствованiе Екатерины I Забайкальскiй край представлялъ страну, уже довольно населенную: тамъ было 10,000 Русскихъ и до 200,000 инородцевъ. Въ царствованiе Анны Iоанновны и Елизаветы Петровны, съ подчиненiемъ Малой и Средней Орды, пріобрѣтено обширное пространство между Каспiйскимъ и Аральскимъ морями, Джунгарiей и верховьями Иртыша. При Екатеринѣ II окончательно покорена Средняя Орда, такъ что 25-го февраля 1782 года ханъ этой Орды былъ уже утвержденъ Русскимъ правительствомъ. Въ царствованiе Александра I вступили въ подданство Россiи Туркмены и часть Киргизовъ Большой Орды. Наконецъ въ первые годы царствованiя императора Александра II огромный При-амурскiй край окончательно утвержденъ за Россiей.

Не ошибся Ермакъ, когда говорилъ своимъ сподвижникамъ: „Не оскудѣетъ память наша въ этихъ странахъ“. До сихъ поръ поминаютъ Ермака и его убіенныхъ товарищей въ Тобольскихъ церквахъ. Вотъ что мы читаемъ въ рукописной *Исторіи о Сибирстьй земли и о царствіи*:

„Въ лѣто 7129 (1621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь въ Тобольскъ во архіепископы Кипріанъ, бывшій Хутынскаго монастыря архимандритъ, и во второе лѣто архипастырста своего воспомяну атамана Ермака Тимоѳеевича сына Новольскаго, и онъ добрый пастырь повелѣ спросити Ермаковыхъ казаковъ, како они пріидоша въ Сибирское царство, и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого изъ нихъ погаліи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они пріидоша въ Сибирь, и о бояхъ. Онъ же добрый пастырь повелѣ убитыхъ имена написати въ соборной церкви въ сиподикъ и въ Православную недѣлю кликати имъ вѣчную память. Синодикъ казакамъ написанъ сице, глава 33: Въ лѣто 7089, при державѣ государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, избра Богъ и посла не отъ славныхъ мужъ, ни отъ царскихъ воеводъ, очистити мѣсто святыни и побѣдити бисирманскаго царя Кучюма, но отъ простыхъ людей вооружи Богъ славою Своею и ратоборствомъ и вольностію атамана Ермака съ дружиною: забыша бо сіи воини свѣта сего честь и всю славу, и плотскую сладость, и смерть въ животъ преложиша, и восприяша щитъ истинныя вѣры и показаша храбрость свою“.

Въ 1839 году въ городѣ Тобольскѣ (неподалеку отъ мѣста, гдѣ находился древній Искеръ, или Сибирь), на высокомъ холмѣ, воздвигнутъ памятникъ Ермаку. Подножье памятника гранитное, вышины въ $1^1/_2$ аршина; самый же памятникъ мраморный, въ 7 саженъ выши-

ны. Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ одной стороны: *Покорителю Сибири Ермаку.*

Съ другой: *Воздвигнутъ въ* 1839 *году.*

Съ третьей: 1581 (годъ прихода Ермака въ Сибирь).

Съ четвертой: 1584 (годъ смерти Ермака).

Въ Сибири у всякаго крестьянина, даже самаго бѣднаго, виситъ на стѣнѣ въ избѣ портретъ атамана-князя Ермака.

VIII.

Народная пѣсня про Ермака Тимоѳеевича.

Русскій народъ и до сихъ поръ вспоминаетъ въ своихъ пѣсняхъ объ удаломъ казацкомъ атаманѣ, Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, искупившемъ свои вины передъ царемъ покореніемъ ему Сибирскаго царства. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралисъ казаки-други, люди вольные,
Собиралисъ они, братцы, во единый кругъ,
Какъ донскіе, гребенскіе и яицкіе.
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ,—
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настанетъ, братцы, холодная,—
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить—да переходъ великъ;
А на Волгѣ ходить намъ—все ворами слыть;
Подъ Казань градъ идтить—да тамъ царь стоитъ,

Какъ грозной-то царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много-множество,
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрьмамъ поразсоженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,—
Рѣчь заговорилъ Ермакъ, сынъ Тимоѳеевичъ:
Гей, вы думайте, братцы, вы подумайте
И меня, Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы, братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся;
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други-братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ передъ грознымъ царемъ вину свою,—
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы корабли, *)
Мы убили посланника все царскаго,
Какъ того-то вѣдь посланничка персидскаго.
Какъ во славномъ было во городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собирались казаки-други во единый кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настаетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ идтить.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы!
Эй вы дѣлайте лодочки коломенки,
Забивайте вы кочета еловые,
Накладайте бабаечки сосновыя,
Мы поѣдемте, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемте мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,

---

*) *Бусый* (Сибирское слово)—темно-голубосѣрый, избура-сѣрый, буродымчатый, буропепельный.

Покоримъ мы его, братцы, царю бѣлому,
А царя-то Кучюма въ полонъ возьмемъ.
И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я царю бѣлому повинную:
Ой ты гой еси, надежа православный царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Какъ и я-то воровской донской атаманушка,
Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы корабли,
Какъ и тѣ-то корабли все неорленые.
А теперича, надежа православный царь,
Приношу тебѣ буйную головушку
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоритъ надежа православный царь,
Какъ и грозный-то царь Иванъ Васильевичъ:
Ой ты гой еси, Ермакъ сынъ Тимоѳеевичъ,
Ой ты гой еси, войсковой донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ,
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ, Ермакъ, славной тихой Донъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Историческіе источники, относящіеся къ покоренію Сибири.

Во главѣ источниковъ, на которыхъ основывается повѣствованіе о покореніи Сибири Ермакомъ, слѣдуетъ поставить такъ называемую *Строгановскую Лѣтопись*, составленную около 1600 г. и напечатанную въ 1821 г. Спасскимъ. Составитель этой лѣтописи пользовался грамотами царя Іоанна Грознаго, данными Строгановымъ. Разсказъ его простъ и основателенъ. Въ концѣ лѣтописи мы читаемъ: „Изложена же бысть сія повѣсть о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибирскихъ земляхъ и объ отпущеніи въ Сибирь атамановъ и козаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи, и о похожденіи ихъ казачьемъ въ Сибирскихъ странахъ, и о побѣдѣ царя Кучюма, и о взятіи сына его царевича Маметкула, и о владѣніи Сибирской земли государевыхъ людей русскихъ, сія словеса о семъ преходятъ въ конецъ сей повѣсти, всякъ бо чтый да разумѣетъ и дѣла толикія вещи не забываетъ: на воспоминаніе сіе писаніе написахъ, да незабвенной будетъ толикія вещи трудъ.“

Далѣе слѣдуетъ *Есиповская лѣтопись*, носящая слѣдующее заглавіе: *Исторія о Сибирстѣй земли и о царствіи*. Въ концѣ составитель ея пишетъ: „Сія лѣтопись о Сибирскомъ царствѣ въ Тобольску градѣ писана въ

лѣто 7145 (1636) сентября въ 5-й день. Слагатай человѣкъ грѣшенъ; имя его познавашеся отъ четырехъ буквъ: сторица сугубая (200 или С) со единѣмъ (А) и вторица сугубая (ВВ) со единѣмъ (А); отчина же его повѣстся отъ шести буквъ: первая есть Е; прочія же пять: сторица сугубая (С) съ сугубою четверицею (И); осмочисленная десятерица (80 или П) съ десятерицею седмичною (70 или О); едина жъ сугубая (В); Еръ скончевается.“ Выходитъ имя *Саввы Есипова*.

Третья рукописная повѣсть о покоренiи Сибири есть *Сказанiе о Сибирскомъ царствѣ*: оно есть сокращенiе Есиповской лѣтописи.

Четвертое извѣстiе о завоеванiяхъ Ермака внесено въ *Новый лѣтописецъ*, или въ Степенныя рукописныя книги.

Пятымъ источникомъ служитъ такъ называемый *Тобольскiй лѣтописецъ*, ведущiй разсказъ до 1649 года. Въ концѣ имя составителя или переписчика, Тобольскаго жителя, изображено числительными буквами: МКК (80 или П) ДВВ (8 или И) РНН (200 или С) А—ІК (30 или Л) Ъ—РНЛК (200 или С) ГВ (5 или Е) КІЕЕ (40 или М) ДА (5 или Е) ЛК (50 или Н) НЛК (100 или Р) ВВА (5 или Е) ЛІ (40 или М) ГВ (5 или Е) ЕВ (7 или З) НК (70 или О) АА (2 или В) Ъ. Выходитъ: *Писалъ Семенъ Ремезовъ*.

Историкъ Миллеръ написалъ *Сибирскую Исторiю*.

Рукописная *Новая Сибирская лѣтопись*, присланная графу Н. П. Румянцеву Тобольскимъ архiепископомъ, Амвросiемъ.

II.

Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краю.

Въ Пермскомъ краю во многихъ мѣстностяхъ донынѣ сохранилась память о Ермакѣ. Перечислимъ эти мѣстности, съ которыми связано имя славнаго покорителя Сибири:

1) *Ермаково городище* на рѣкѣ Сылвѣ, гдѣ Ермакъ съ своею дружиной провелъ зиму 1578-79 года. Объ урочищѣ съ такимъ названіемъ на рѣкѣ Сылвѣ въ „Сибирской Исторіи“ Миллера сказано, что Ермакъ, отправляясь изъ Строгоновскихъ вотчинъ въ Сибирь, вверхъ по Чусовой, своротилъ изъ нея, по ошибкѣ, въ Сылву, 26-го сентября 1578 года (по сказанію Сибирской лѣтописи). „Ежели бы Ермакъ (говоритъ Миллеръ) свое заблужденіе узналъ заблаговременно, то, можетъ быть, онъ назадъ бы воротился и производилъ бы надлежащій путь по рѣкѣ Чусовой; а онъ шелъ все вверхъ по рѣкѣ Сылвѣ, пока наступившая зима отъ того не удержала. То мѣсто, гдѣ онъ тогда зимовалъ, называется и понынѣ *Ермаково городище.*“

2) *Ермаково городище* въ сѣверо-восточной части Кунгурскаго уѣзда, на рѣкѣ Серебрянкѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Кокуя. Тутъ Ермакъ съ казаками своими останавливался на зиму 1579-80 года, а по наступленіи весны, перешедши черезъ Уралъ и идя далѣе берегомъ рѣки Журавлика, достигъ до рѣки Баранчи, по которой уже плылъ на плотахъ въ рѣку Тагилъ. Въ Екатеринбургскомъ Горномъ архивѣ хранится весьма любопытное, по заключающимся въ немъ топографическимъ свѣдѣні-

ямъ. дѣло 1738 года: „О ѣздѣ на Кушвинскій заводъ бергмейстера Клеопина.“ Никифоръ Клеопинъ, весьма дѣльный и знающій горный офицеръ, въ дневникѣ пишетъ: „Отшедъ отъ наслега (то есть отъ мѣста ночлега) версты 4, осматривали при устьѣ Кокуя рѣчки, впадающей въ Серебрянку съ лѣвой стороны, мѣсто, по объявленіямъ работниковъ, гдѣ зимовалъ Ермакъ, когда шелъ изъ Камы вверхъ по Чусовой и изъ нея по Серебрянкѣ, оттуда жъ перешедъ сухимъ путемъ до рѣчки Баранчи, впадающей въ Тагилъ, для взятія Сибири. По осмотру видно, что онъ стоялъ въ крѣпкомъ мѣстѣ, между двухъ рѣчекъ въ мысу, и отъ свободной стороны было два рва, кои (и) нынѣ значатъ, шириною не меньше 3 аршинъ, глубиною $1^1/_2$ аршина. Внутри ихъ и по всему мысу великій ельникъ и березникъ выросъ. Тутъ же копаны бывали ямы, знатно для какихъ поклажъ.“

3) *Ермаково городище*, третье урочище этого имени, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, въ округѣ Нижне-Тагильскихъ заводовъ, на лѣвомъ берегу рѣки Тагила, въ 16 верстахъ отъ Нижне-Тагильска, на возвышенномъ холмѣ, 4-мя верстами ниже впаденія въ Тагилъ рѣки Баранчи, при устьѣ рѣчки Медвѣдки.

Тутъ виденъ ровъ, который тянется параллельно съ рѣкою на 36 аршинъ, а потомъ поворачивается подъ прямымъ угломъ и идетъ въ такомъ направленіи на 24 аршина. Внутри находится 5 ямъ. По преданію, тутъ было укрѣпленіе, построенное Ермакомъ съ дружиною его послѣ того, какъ онъ, перешедши черезъ Уралъ, поплылъ на плотахъ по Баранчѣ и достигъ Тагила. Говорятъ, что въ этомъ самомъ мѣстѣ казаки его строили, для дальнѣйшаго путешествія въ Сибирь, новые большаго размѣра плоты.

4) *Ермаковскій рудникъ* въ западной части округа Гороблагодатскихъ заводовъ, въ дачѣ Серебрянскаго

завода, по правую сторону рѣки Чусовой, на берегу малаго праваго притока ея Ермаковки.

5) *Ермак-камень*, береговая известняковая скала, на правой сторонѣ рѣки Чусовой, въ 34 верстахъ ниже Кыковскаго завода, при устьѣ рѣчки Ермаковки, образуетъ вертикальную стѣну около 25 саженъ высотою и 30 саженъ длиною. По срединѣ стѣны, обращенной къ рѣкѣ, въ 10 саженяхъ отъ поверхности воды, находится входъ въ обширную пещеру, раздѣленную на множество гротовъ. По мѣстному преданію, Ермакъ зимовалъ въ этой пещерѣ во время похода своего въ Сибирь и похоронилъ въ ней свои сокровища. Поэтому гора и пещера носятъ названіе *Ермаковыхъ*. Щерпенеръ говоритъ, что Ермакъ-камень тянется вдоль по берегу, по крайней мѣрѣ, футовъ на 350, что высота его доходитъ до 200 футовъ и что въ немъ находится Ермакова пещера, въ которой знаменитый атаманъ укрывался нѣкоторое время отъ нападенія Вогуловъ.

Академикъ Георги, посѣтившій въ Январѣ 1771 года вогульскія деревушки Бабенки и Копчикъ, говоритъ: „Ермакова пещера заключается въ отвѣсной скалѣ изъ сѣраго известняка, которая тянется по правому берегу рѣки саженъ на 50 и имѣетъ высоты 28 саженъ. Почти въ срединѣ—пещера, въ которой Ермакъ скрывался нѣсколько разъ отъ Вогуловъ и которая поэтому носитъ его имя. Она находится въ гладкой стѣнѣ, и попасть въ нее можно только по свѣшенной сверху веревкѣ. Да притомъ нужно имѣть ловкость и навыкъ кровельщика, чтобы влѣзть внутрь ея съ веревки, такъ какъ передъ входомъ въ пещеру нѣтъ въ скалѣ никакого уступа. Въ этой пещерѣ—сводъ, подобный своду пекарной печи; длина ея около 2 саженъ.“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

ГЛАВА I. Первыя сношенія съ Сибирью 5

ГЛАВА II. Именитые люди Строгановы. 8

ГЛАВА III. Ермакъ и его дружина 14

ГЛАВА IV. Походъ Ермака въ Сибирь. 19

ГЛАВА V. Посольство Ермака къ царю. 30

ГЛАВА VI. Смерть Ивана Кольцо и Ермака 34

ГЛАВА VII. Дальнѣйшія событія въ Сибири 40

ГЛАВА VIII. Народная пѣсня про Ермака Тимоѳеевича. 46

ПРИЛОЖЕНІЕ:

I. Историческіе источники, относящіеся къ покоренію Сибири 49

II. Память о Ермакѣ въ Пермскомъ краю 51

ИЗДАНІЯ
ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

Москва, проѣздъ Петровскихъ торговыхъ линій.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Александръ I-й Благословенный.	. . . . .	к.	8 к.
Бородинская битва. Тихомирова	. . . . .	„	10 „
Великій князь Ярославъ I-й.	. . . . .	„	10 „
Владиміръ Святой Равноапостольный	. . . . .	„	25 „
Иванъ Сусанинъ. Дорогобужинова.	. . . . .	„	10 „
Куликовская битва. Тихомирова	. . . . .	„	10 „
Мининъ и Пожарскій	. . . . .	„	20 „
Покореніе Казани. Тихомирова.	. . . . .	„	15 „
Петръ Великій.	. . . . .	„	5 „
Полтавскій бой. Тихомирова.	. . . . .	„	10 „
Русскіе Великіе князья и цари.	. . . . .	„	50 „
Соломонія, повѣсть изъ русской старины 1525 г.		„	40 „
Старина земли русской. Гатцука	. . . . .	„	15 „
Краткій очеркъ 25-ти лѣтняго царствованія Императора Александра II	. . . . .	„	10 „
Царь Осодоръ Іоанновичъ	. . . . .	„	5 „
Бунтъ Стеньки Разина	. . . . .	„	15 „
Московскій кремль. Толычевой	. . . . .	„	30 „
Почему сооруженъ Храмъ Христа Спасителя.		„	7 „
О священномъ вѣнчаніи православныхъ царей		„	10 „
Графиня Е. П. Головкина	. . . . .	„	25 „

Кромѣ того,

книжный магазинъ Общества имѣетъ въ продажѣ всѣ учебныя, дешевыя народныя и дѣтскія книги, письменныя и рисовальныя принадлежности. Книгопродавцамъ и учебнымъ заведеніямъ дѣлается уступка.